

тий, процессов, явлений. Мнение и оценки студенческой молодежи — наиболее подготовленной, думающей, социально активной части российской молодежи — «работают» как своеобразный барометр общественного настроения не только в актуальный момент времени, но и в будущем.

Проведенный анализ создает теоретические и методические основы для формирования социальных, в том числе образовательных и просветительских, программ, обеспечивающих формирование толерантных установок и взвешенных оценок социальной действительности у студенческой молодежи в условиях социальной поляризации, интенсификации миграционных процессов и межкультурных коммуникаций, глобализации, а также с учетом перспектив интеграции в мировое образовательное пространство.

---

1. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/toleranc.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml) (дата обращения: 04.05.2012).

2. Паин Э. А. Традиционализм — национализм — ксенофобия // Этнопанорама. 2004. № 4. С. 11–18.

3. Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики / под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого. Екатеринбург, 2012. 347 с.

4. Титов В. Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // СОЦИС. 2003. № 11. С. 41–50.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2012 г.*

УДК 378.115.15 + 37.035 + 331.5.024.5

**Л. Н. Банникова**

### **ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ: ИТОГИ МОНИТОРИНГА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

В статье представлен обобщающий анализ результатов мониторинга профессиональных планов студенчества Свердловской области, обозначены новые тенденции в профессиональном самоопределении студенческой молодежи.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, профессиональные планы, социальный ресурс профессии, депрофессионализация.

Профессиональное самоопределение как смыслоопределяющая социокультурная практика студенческой молодежи на личностном уровне реализуется через ценностный выбор личностью вариантов своего профессионального разви-

---

БАНИКОВА Людмила Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: [bannikov@planet-a.ru](mailto:bannikov@planet-a.ru)).

© Банникова Л. Н., 2012

тия. Процесс формирования профессионала не может быть сведен к передаче и усвоению суммы конкретных знаний и навыков. Подобная технократизация обучения, ориентация на выпуск узких специалистов выхолащивает суть профессионализма, порождает профессиональный абсентеизм. Обучение профессии — это еще усвоение определенных способов мышления и практик, характерных для данной профессии, определенных традиций и норм поведения, профессиональной этики, культуры. Перечисленные особенности профессионала дают основания рассматривать его, вслед за Т. Парсонсом, как модель идеального гражданина, а университеты как опору гражданственности. Исследование процесса формирования современных молодых профессионалов, выявление возможностей и рисков реализации этого процесса позволяет наметить своеобразные «точки роста» или возможности становления социокультурных основ гражданственности.

В рамках исследовательского проекта<sup>1</sup> проведен анализ оценок, мнений, т. е. субъективного восприятия ситуации на рынке труда будущими специалистами, готовящимися к переходу из системы образования в систему занятости. Основным объектом нашего исследования на протяжении всех этапов мониторинга оставались *студенты 3-го курса*. Выбор именно их был обоснован рядом соображений:

- к 3-му курсу в основном заканчивается период адаптации к условиям вуза и теряет свое значение влияние довузовских факторов развития;
- на 3-м курсе практически во всех вузах студенты переходят к изучению специальных дисциплин и поэтому могут быть поставлены вопросы, касающиеся отношения к будущей профессии;
- хотя до окончания вуза еще далеко, большинство молодых людей уже задумываются о своих профессиональных перспективах.

Психологи [2] называют этот этап *стабилизационным*, ибо в этот период на основе осознания требований новой социально-профессиональной роли и собственных способностей и возможностей происходит осознание достижений, которые сделаны благодаря собственным усилиям. Анализируя студенческие планы на будущее, имеет смысл учитывать два значимых момента, корректирующих полученные оценки. Во-первых, исследователи-психологи анализируют мотивацию так называемых «классических», а не «работающих» студентов, статус последних порой сложно обозначить определенно. Во-вторых, социально-психологические исследования зафиксировали пониженный мотивационный профиль студентов-третьекурсников в сравнении с первокурсниками и четверокурсниками. Одним из возможных объяснений снижения мотивации, по мне-

---

<sup>1</sup> В декабре 2011 г. — январе 2012 г. был проведен шестой этап мониторинга социокультурного развития студенчества Свердловской области. Важная особенность мониторинга «Студент» — методическая и методологическая целостность. Для реализации целей исследования на всех этапах мониторинга использовался модульный принцип построения инструментария. Многие вопросы и варианты ответов на них повторялись в неизменном виде, в некоторые вопросы и особенно в варианты ответов вносились изменения. Выборка — 10 %-ная, стратифицированная (ориентиры — структура по полу и направлению обучения), гнездовая (по вузам, в случайно выбранных группах проводился сплошной опрос).  $N_6 = 1802$ . Объем выборки за 17 лет мониторинга увеличился в 2,4 раза (численность студентов вузов Свердловской области за 1995–2011 гг. выросла в 2,6 раза).

нию психологов, может быть тот факт, что третьекурсники переживают индивидуализационный период своего развития в вузе [5]. Это побуждает их к поиску собственной уникальности не только в системе межличностных отношений, но и в продвижении к профессиональному будущему. Отношение к профессиональному будущему на 3-м курсе становится более личностным, независимым. Третьекурсники в наименьшей степени ориентируются на продолжение профессиональных традиций родителей и на поиск работы в той же сфере, что и их друзья. Кроме того, успешно адаптировавшись в первые годы обучения в вузе и познакомившись с содержанием избранной профессии, третьекурсники нередко переживают сомнения по поводу адекватности своего профессионального выбора. Опытные преподаватели и психологи образования говорят даже о *кризисных явлениях* в профессиональном развитии наиболее ответственных третьекурсников [Там же]. С учетом этих порой взаимоисключающих процессов рассмотрим оценки факторов, повлиявших на выбор профессии, удовлетворенность выбором, проектирование будущей профессиональной карьеры.

Сравнение таких факторов выбора конкретного вуза, как «соответствие выбора своим способностям» и оценка рынка труда («привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза»), позволяет оценить поведение подавляющего большинства потребителей образовательных программ (будущие юристы, госслужащие, горняки, студенты университета путей сообщения, лесотехнического университета и др.) как весьма рациональное, а отношение к будущей профессии — скорее как инструментальное, чем ценностное. На этом фоне выделяются мотивы выбора вуза будущими представителями классических профессий (архитекторами, медиками и педагогами), осуществляющими свой выбор в основном с учетом своих способностей и склонностей.

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии *архитектора* позволяет оценить их образ как «*амбициозных профессионалов*», а их проекцию будущей занятости — как профессиональную модель карьеры с проникновением рыночных тенденций. За годы мониторинга такой мотив выбора, как интерес к профессии, не менялся, на него указывал каждый второй респондент. Для студентов характерны высокие амбиции: чтобы учиться в архитектурной академии, нужны способности — этот мотив будущие архитекторы указывают в два раза чаще, чем другие студенты. Если у педагогов мотив «наличие способностей к профессии» больше похож на оправдание выбора, и он ослабевает с годами, то у будущих архитекторов он, напротив, усиливается. Отчетливо проявляются в анализе мотивов выбора профессиональные амбиции — акцент на избранность, талантливость. В 1995 г. среди мотивов выбора высоко было влияние семьи, сегодня оно ослабевает. В результате влияния рынка спрос на специальность растет, растут и перспективы получить интересную работу и, соответственно, в иерархии мотивов выбора этот параметр поднялся с 4-го на 3-е место. К качеству образовательного процесса у студентов-архитекторов много нареканий (недоволен качеством обучения каждый третий), видимо, надо делать скидку на их амбиции и высокие самооценки. Хотя при поступлении интерес к профессии был высок, но до сих пор будущие специалисты имеют смутные представления о своей сфере занятости.

*Врачи* в традициях западной социологии имеют статус профессионалов, т. е. лиц «свободной профессии», сохраняющих относительно высокую власть и административную независимость даже под давлением государственной бюрократии и организованного капитала. Реформирование отрасли не привело к существенным изменениям в социальном статусе российских врачей. Как отмечают исследователи, англо-американский профессионализм, понимаемый как властная монополия профессионалов на рынке труда или в государственном секторе, по-прежнему не свойственен российским врачам [4]. Тем не менее, в сравнении с другими профессиями, образ *врача* формирует классическую модель профессионального выбора, при котором преобладает мотив «интереса к профессии». Студенты-медики в 1,4 раза чаще, чем в среднем по массиву, указывают «интерес к профессии» как преобладающий мотив выбора вуза. Преобладают скорее профессиональные ценности, чем социальные: выбирают не столько статус, сколько профессию. Мотив получения диплома (как знака образованности) не значим, отмечается важность наличия способностей, семейных традиций и соответствующей профессиональной среды (стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения).

Исследование динамики мотивов выбора студентами профессии *экономиста* за 16 лет выявило снижение интереса к профессии: в 1995 г. он был в полтора раза выше среднего по массиву, в 2012 г. упал до среднего значения. В данном случае преобладает модель выбора статусной группы принадлежности: каждый четвертый указал в качестве одного из ведущих мотивов перспективу найти хорошую работу, каждый третий хотел обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем. Значение способностей при выборе снизилось, а вот давление семейных традиций, родителей выросло. В данном случае, на наш взгляд, образ профессии формирует совершенно *иную модель карьеры*. Важен не просто диплом, а диплом экономиста как возможность занять определенный статус. Полученное образование необходимо и достаточно (по терминологии У. Бека) для выбранного статуса, менять будущую группу принадлежности почти никто не планирует, каждый второй хотел бы работать по специальности как наемный работник, один из пяти — организовать свое дело, свой бизнес. Стремление покинуть свою страну, поехать за границу учиться или работать у будущих экономистов проявляется в два раза сильнее, чем у студентов других вузов (20 % при среднем показателе 9 %).

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии *педагога* дает иные результаты. Интерес к будущей профессии есть, отметил его каждый второй из опрошенных. Тем не менее студенты-педагоги получают лишь пропуск на рынок труда: им нужен просто диплом, их будущая профессия не обещает перспективной занятости и стабильного материального достатка в будущем. Такой мотив, как желание получить диплом, большая доступность, легкость поступления, указывали в 1,4–2 раза чаще, чем в среднем по массиву, а перспектива найти хорошую работу отмечена в 1,6 раза реже среднего. Студенты при выборе все меньше прислушиваются к мнению педагогов и родителей, хотя семейные традиции еще значимы. Способности к этому виду деятельности у них есть и были учтены при выборе вуза. Скорее всего, многие из будущих педаго-

гов нацелены на выход из этой группы, только треть планирует работать по специальности после окончания вуза.

Изменился за годы мониторинга образ профессии *горняка*. Интерес к профессии среди мотивов выбора ниже среднего по массиву, но нарастает: в 1995 г. он был вдвое ниже среднего, сейчас всего лишь на треть. Скорее всего, это связано с ростом престижа, авторитета вуза, разрыв в оценках престижа вуза резко сократился: в 1995 г. оценки престижа вуза были в 32 раза ниже средних по массиву, а в 2011 г. — на среднем уровне. В данном случае будущая профессия — канал социальной мобильности. На всех этапах мониторинга среди мотивов выбора — выраженное желание получить диплом (выше средних показателей), ожидание хорошей работы и давление родителей (скорее давление, чем авторитет, ибо горнякам присущ некоторый инфантилизм: мотив «продлить беззаботный период жизни», «поступил за компанию» выше, чем у многих других).

Анализ динамики мотивов выбора студентами профессии *юриста* за 1995–2012 гг. показал, что интерес к профессии вырос чуть не вдвое, в 2012 г. он был выше средних цифр на треть. Несмотря на утверждение о переизбытке юристов, интерес к профессии не падает. Иерархия мотивов выбора сохранилась, выросли лишь количественные показатели. Второе место по значимости занимает престиж вуза, по-прежнему значима ожидаемая перспектива «найти хорошую работу». На этот мотив будущие юристы указывают в 1,5 раза чаще других. Можно отметить такой нюанс, как усиление роли семейных традиций. Профессия все больше закрывается: в 1995 г. этот мотив указал один из шести, а в 2011 г. — уже каждый пятый. Если в целом по массиву значение этого мотива снижается, по профессии экономистов и медиков сохраняется, то по профессиям юристов и горняков — растет.

Как оценить эту модель проектирования профессиональной карьеры? Опрос россиян, по данным ВЦИОМ, показал, что работник юридической сферы по-прежнему возглавляет рейтинг наиболее престижных профессий, хотя популярность юриста за три года немного понизилась [6]. Профессия юриста, с точки зрения россиян, является в настоящее время и самой доходной (такого мнения придерживаются 14 %) [1]. Безусловно, что внутри профессии юридические специальности имеют несколько отличающиеся образы. Так, престиж профессии судьи за три десятилетия с пятого места переместился на четвертое. Произошло это благодаря таким критериям престижа профессии в обществе, как высокая заработная плата, пакет социальных гарантий, возможности профессионального и личностного роста. В то же время судья в меньшей мере по сравнению с прокурором, адвокатом и нотариусом пользуется уважением в обществе [Там же].

Для всех исследуемых групп будущих профессионалов общим является *неопределенность ценностных представлений* о профессии (40 % представляют частично или смутно). Это смещает ориентиры абитуриентов на выбор не самой профессии, а предпочитаемого, желаемого образа жизни с помощью профессии. Таким образом, профессия уже выступает как средство, инструмент для достижения этого образа жизни, а не как существенная часть самого образа

жизни. Поверхностное знакомство, формальное представление об особенностях образа жизни той или иной профессиональной группы без усвоения профессиональной этики, норм, без осознания ее социального призвания порождает феномен, обозначенный исследователями как «*профессиональный маргинализм*» [3] или «антипрофессионализм». Это ситуация, при которой профессиональные знания и умения не становятся услугой для другого, а служат исключительно эгоистическим интересам, выгоде самого специалиста. Чем более осведомлены абитуриенты не только о содержании будущей профессии, но и об образе жизни, традициях, нормах будущей группы принадлежности, тем осознаннее их выбор и оценки образовательных программ, их профессиональные планы. Речь идет о таких индикаторах компетентности, как семейное окружение (социально-профессиональное наследование) и опыт работы по профилю будущей специальности (феномен «*работающего студента*»).

Проблема совмещения обучения и работы, так называемый феномен *работающего студента*, остается по-прежнему актуальной. С начала 1990-х гг. растет число студентов, занятых на относительно регулярной оплачиваемой работе. Причем для существенной части студентов основным видом деятельности является уже не учеба в вузе, а работа. Выполняемая работа как-то связана с будущей специальностью только у одного из троих. У остальных это нерегулярные подработки для досугового потребления, т. е. оплачиваемая работа имеет для них чисто инструментальную ценность. К тому же вторичная занятость студентов дневных отделений имеет порой нелегитимный характер, является источником дискриминации студентов на рынке труда. Время, затрачиваемое на работу, ведет к сокращению времени, затрачиваемому не только на собственно занятия в вузе, но и на подготовку к ним, и, соответственно, к снижению уровня подготовки специалиста. Но при всем этом работа студентов значима как социальный опыт, как своего рода производственная практика, она формирует более уверенное поведение выпускников на рынке труда. Отличие между работающими и неработающими студентами проявляется в определенности их планов на будущее: работающие студенты в два раза чаще, чем неработающие, имеют четкие планы. Работающие готовы к основанию своего дела: такой вариант будущей занятости студенты, имеющие постоянную работу, указывают в два раза чаще остальных. Стремление большинства студентов связать свою работу с будущей специальностью — это фактически та забота о производственной практике как о профессиональной стажировке, которая прежде в значительной степени лежала на учебном заведении и которую теперь нередко берут на себя сами студенты.

Оценку установок студентов на то, чтобы «остаться в профессии», т. е. планирование будущей сферы приложения сил и знаний, можно определить как *вторичный* выбор. Во многом эти оценки зависят от представлений студентов о ресурсах их будущих групп принадлежности. Анализ динамики изменения планов студентов выявил *сохранение, но не рост* доминирующей ориентации на работу по специальности. *Работа не по специальности* стала явлением привычным, которое постепенно в силу «эффекта привыкания» становится нормой. Этот вывод сделан на основании более детального анализа вторичных

профессиональных выборов студентов конкретных вузов. Это не только и не столько потеря для института профессионального образования своей важнейшей функции предоставления профессии, пополнения профессиональных групп (действительно, государство финансирует образование в данных сферах, но не получает кадры), но это еще и не менее значимая проблема демотивации обучения. Студенты не планируют работать по специальности, отсюда и формальное отношение к обучению. Несмотря на то, что популярность высшего образования не только не падает, но стабильно растет, «возможность высокого уровня профессионализма» значима лишь для половины опрошенных.

Процесс депрофессионализации уже нашел соответствующее отражение в сознании молодежи. Большинство студентов проблемы с трудоустройством связывают не с профессией, а с отсутствием опыта работы. Они адекватно реагируют на требование большинства работодателей, для которых важна не профессия, а стаж работы, пытаясь совмещать учебный труд и периодические подработки. Возможно, что отчасти снижение числа студентов, желающих трудоустроиться по специальности уже в период учебы и не связывающих свою карьеру с полученной подготовкой в вузе, отмечаемое многими исследованиями, в том числе подтверждаемое нашим мониторингом, обусловлено возникновением и утверждением так называемого *нелинейного типа карьеры в обществе*, когда есть необходимость в гибком профессиональном самоопределении, возможность корректировать свои планы, переизбирать свой профессиональный путь. На наш взгляд, о нелинейной карьере все-таки имеет смысл говорить по отношению к уже сформированным специалистам, а не к недоучившимся студентам.

В качестве одного из *основных выводов исследования* отметим, что на всех этапах исследования остаются по-прежнему важными ценностные приоритеты, мотивирующие выбор и образующие как бы идеальную модель работы: высокий доход, творческий характер работы, карьера и профессионализм, соответствие работы способностям и умениям. Можно говорить о *росте ценностей индивидуализма в профессиональной деятельности*, так как упала, и существенно, значимость хорошего коллектива и возможности принести пользу людям. При выборе профессии молодежь сегодня проявляет некий *эгоцентризм*: профессия нужна для того, чтобы реализовать свой потенциал, сделать карьеру, иметь хороший доход, т. е. что-то получить для себя, а не отдавать людям, обществу, государству. Неоднозначность ситуации в том, что эти процессы можно оценить как своеобразный перенос ответственности за проектирование профессионального будущего на индивидуальный уровень, на уровень субъекта, как стремление полагаться, прежде всего, на личностные ресурсы.

Полученные результаты позволили сформировать практические рекомендации по вузовской модели управления профессиональными стратегиями молодежи.

2. *Гарбузова Г. В.* Эмпирические критерии формирования профессиональной идентичности студентов // Управление общественными и экономическими системами: электрон. науч. журн. 2007. № 1. URL: <http://www.bali.ostu.ru/umc>

3. *Дружилов С. А.* Профессионалы и профессионализм в новой реальности: психологические механизмы и проблемы формирования // Сибирь. Философия. Образование : альм. СО РАО. Новокузнецк, 2001. Вып. 5. С. 46–56.

4. *Мансуров В. А., Юрченко О. В.* Перспективы профессионализации российских врачей в трансформирующемся обществе // СОЦИС. 2005. № 1. С. 66–77.

5. *Меламед Д. А.* Социально-психологические особенности учебно-профессиональной мотивации студентов // Психологическая наука и образование : электрон. науч. журн. 2011. № 2. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2011/2/2116.phtml>

6. Пресс-выпуск ВЦИОМ, № 1331 от 07.10. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wciom.ru>

*Статья поступила в редакцию 25.05.2012 г.*

УДК 378.115.15 + 342.722 + 32.001

**О. Р. Белова**  
**Ю. Р. Вишневский**

### **ГРАЖДАНСКИЙ ВЫБОР СТУДЕНЧЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Статья посвящена исследованию гражданской культуры современного студенчества Свердловской области. Динамическое измерение данного феномена проводилось в рамках мониторинговых исследований с 1995 по 2012 г. Рассмотрены динамика политической активности, мотивы аполитичности, идеологические ориентации, правовое сознание студентов.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** гражданская культура, гражданственность, измерения культуры гражданственности (аксиологическое, гносеологическое, праксиологическое), политический компонент культуры гражданственности, политическая активность, гражданская активность, мотивы аполитичности, свобода, демократия, законность.

В рамках мониторинга студенчества Свердловской области<sup>1</sup> серьезное внимание уделялось становлению его гражданской культуры, системы ценностей, связанных с правами и свободами граждан. Гражданская культура характеризует гражданское общество не с точки зрения его институционального устрой-

---

<sup>1</sup> Проведено 6 этапов (1995–2012 гг.). На 6-м этапе в 2012 г. объем выборки составил 1802 студента 3-го курса 14 вузов Свердловской области.

БЕЛОВА Ольга Рудольфовна — старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: [ksoc@mail.ustu.ru](mailto:ksoc@mail.ustu.ru); [soc\\_stu@e1.ru](mailto:soc_stu@e1.ru))

ВИШНЕВСКИЙ Юрий Рудольфович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: [ksoc@mail.ustu.ru](mailto:ksoc@mail.ustu.ru); [soc\\_stu@e1.ru](mailto:soc_stu@e1.ru)).

© Белова О. Р., Вишневский Ю. Р., 2012